

Для цитирования: Шевченко И.С. Историческое развитие концептов этики: концепт ГРЕХ в английской лингвокультуре / И.С. Шевченко, О.В. Ваховская // Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики : сб. науч. трудов памяти д. ф. н., проф. Н.А. Кобриной. – Белгород, 2012. – С. 122–126.

Please cite as: Shevchenko, I.S. and Vahovskaja, O.V. (2012). Istoricheskoe razvitie konceptov jetiki: koncept GREH v anglijskoj lingvokul'ture [Historical development of the concepts of ethics: concept SIN in the English linguistic culture]. *Sovremennye podhody k izucheniju edinic jazyka i rechi i voprosy lingvodidaktiki*: Sb. nauchn. trudov pamjati d.f.n., prof. N.A. Kobrinov. – Belgorod – Modern approaches in the study of language and speech units and linguistic didactics problems»: Collection of treatises in memoria of prof. N. Kobrina, Belgorod, 122-126 (in Russian)

И.С. Шевченко, О.В. Ваховская
г. Харьков, Украина

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТОВ ЭТИКИ: КОНЦЕПТ ГРЕХ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Современную лингвистику отличает особое внимание к когнитивным проблемам языка. Об актуальности этого направления свидетельствуют и труды глубокого исследователя-грамматиста и тонкого знатока английского языка профессора Н.А. Кобриной, которая в XX веке обратилась к исследованию английской морфологии и синтаксиса с когнитивных позиций [Кобрина и др. 2007]. В нашей статье когнитивный ракурс избран для диахронического изучения концептов этики.

Лингвокогнитивные исследования ориентированы на анализ связи языка и когниции [Кубрякова 2004; Попова, Стернин 2003], одно из его направлений – реконструкция концептов на основе данных языка [Демьянков 2009]. Концепт «существует не как застывший информационный ‘сгусток’, передаваемый от поколения к поколению, а как непрекращающийся процесс ассоциирования и номинации феноменов отражаемой сознанием действительности» [Слышкин 2004: 284], концепт предполагает историческую изменчивость [Степанов 1997]. В нашей статье когнитивный подход применяется к рассмотрению содержания и структуры лингвокультурного концепта ГРЕХ как составляющей англоязычной христианской картины мира, его исторически постоянных лингвокогнитивных характеристик, особенностей их исторической динамики в светском дискурсе XIV–XXI вв. Лингвокультурные концепты, в структуре которых особо выделяется ценностный компонент, представляют интерес для изучения как с точки зрения их содержательной и языковой сторон, функционирования в дискурсе, так и с точки зрения их исторической динамики, анализ которой позволяет воссоздать соответствующий фрагмент ценностной картины мира в сознании носителей культуры на конкретном историческом этапе.

Лингвокультурные концепты хранятся в памяти человека в виде значимых осознаваемых типизируемых фрагментов опыта, что закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные, эмоционально переживаемые характеристики действительности. Эти характеристики концептов и представляют собой их образную, понятийную и ценностную стороны, это, соответственно «зрительные, слуховые и т.п. характеристики предметов»; «языковая фиксация, <...> признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к другим концептам» и

ценность, определяющая концепт для того, чтобы его «можно было выделить» [Карасик и др. 2009: 16]. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик и др. 2009: 16].

Гипотеза нашей работы состоит в том, что лингвокультурные концепты этики характеризуются неразрывностью понятийно-ценностного и образно-ценностного аспектов. Их диахроническое варьирование затрагивает как структуру концептов в целом, так и их понятийно-ценностный и образно-ценностный аспекты, изменение которых не изоморфно, оно протекает с разной скоростью и в разной степени трансформирует отдельные аспекты концептов этики. Эта гипотеза основана на развитии идей лингвокультурного концепта: в нашей работе понятийный, ценностный, образный параметры мы трактуем не как слои (предполагающие их иерархию), а как аспекты, признаки концепта, предполагающие их относительную равнозначность.

Диахронический ракурс анализа лингвокультурного концепта этики со всей очевидностью предполагает фокус на этимологии, внутренней форме имени концепта и т.п., что обусловило вовлечение в алгоритм анализа и параметров, выделенных Ю.С. Степановым для концепта как «факта культуры» – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.), которые отражены в сознании по-разному, как разные «компоненты или слои» этого концепта: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; 3) внутренняя форма, обычно не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме и являющаяся основой для остальных слоев концепта [Степанов 1997: 41–45].

Центром лингвокультурного концепта «всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [Карасик и др. 2009: 98]. Ценности развиваются исторически: «происходит не переоценка ценностей, <...> а переоценка самой жизни с ценностной точки зрения. Сами ценности не могут переоцениваться, они надвременны и надисторичны, но изменяется ценностное сознание» [Перов, Перов 2002: 63], что отражается в изменении набора ценностей, предстающих в качестве критериев оценок действительности. Нравственные ценности определяют сущность этики, что свидетельствует о внутренней неразрывности понятийного и ценностного компонентов в структуре этических концептов культуры. Так, этическая природа концепта ГРЕХ обуславливает неразрывность его ценностной и понятийной составляющих. ГРЕХ является результатом когнитивной процедуры оценивания и имеет градуальный характер: некоторые этические нарушения воспринимаются как более, а некоторые как менее греховные [Верещагин 2000]: шкала греховности определяется в сознании индивида культурно детерминированным «чувством

греха» [Leach 1983]: We are constantly breaking the rules and thereby *committing sin*, but *some kinds of offence are more disturbing than others* /BNC/. Эпистемологическая (моделируемая) сущность ГРЕХА как культурно детерминированного феномена заключается, с одной стороны, в несовпадении представлений о ГРЕХЕ в культурах различных народов: Jerry <...> stared out in the direction of his dear native *Japan, where love was no sin* /K. Grahame/ и, с другой, в исторической изменчивости представлений о ГРЕХЕ в рамках одной культуры, включая изменение характера его оценки: *'Twas sin before, but now 'tis charity* /W. Shakespeare/ и изменение номенклатуры грехов (признание новых в XX веке): *Abortion, divorce, premarital sex, and drug trafficking are listed as serious sins* /BNC/. Тем самым ГРЕХ имеет градуальный характер, что подчеркивает наличие у концепта культуры ценностной составляющей, отличающей его от когнитивного концепта.

Общественная значимость норм этики определяет этические концепты как социокультурные регулятивы [Карасик 2010: 188], т.е. ментальные образования, в структуре которых главное место занимает ценностный компонент (аксиологический, включающий ценности и нормы поведения) [Карасик и др. 2009; Шевченко 2010]. Концепты-регулятивы «в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения» и поэтому «представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности народа» [Карасик и др. 2009: 29].

Ментальная природа человека «не является абсолютно константной ни во времени, ни в пространстве» [Слышкин 2004: 13]: «в разные эпохи и в различных культурах люди <...> конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира» [Гуревич 1999: 27–29]. Непосредственная связь концептов этики с ментальностью и культурой общества в определенный период его развития свидетельствует о необходимости уточнить трактовку социокультурного регулятива как единства образной, понятийной и ценностной сторон. Объяснению социально-культурной изменчивости концепта этики служит двухмерное лингвокультурное и социодинамическое представление его структуры, где при относительной исторической стабильности понятийного компонента концепта социодинамический аспект обуславливает изменение его ценностной и образной составляющих.

Основным фактором исторического варьирования характеристик концепта ГРЕХ является динамика социума и культуры, т.е. их постепенная секуляризация, «обмирщение». В соответствии с культурно-исторической ситуацией наименьшая степень варьирования содержательных характеристик ГРЕХА обнаружена в дискурсе XIV–XV вв. XVI в. – век «секуляризации морали» – поставил вопрос о том, «какими должны быть взаимоотношения власти светской и духовной» [Этика 2001: 494]. Поведенческие следствия «‘секуляризации морали’ противоречивы. <...> лишаясь связи с божественным, мораль теряет часть регулятивной силы и внутреннего единства. В поведении чаще действуют утилитарные, гедонистические и другие внеморальные

мотивы, и на этом фоне растет число отклонений и преступлений» [там же: 410].

Диахроническое варьирование понятийно-ценностной составляющей ГРЕХА в дискурсе XVI–XXI вв. подчиняется общей закономерности: «в моральном содержании мировых религий инвариантность сильнее вариаций. Светские системы морали оценивают как зло эгоистическое самоутверждение и трусливый конформизм, цинизм и лицемерие, человеконенавистничество и разврат и пр. Варьируется лишь степень категоричности оценок» [Этика 2001: 155]. Именно степень категоричности отрицательной оценки ГРЕХА позволяет определить диахроническое варьирование его содержательных характеристик как единый поступательный процесс усиления небиблейской (нейтральной: *sins are so unromantically easy!* /R.L. Stevenson/ и положительной: *the beauty of their sin* /O. Wilde/) оценки ГРЕХА. При сохранении этой общей оценочной тенденции, оформление основных вариантных содержательных признаков ГРЕХА происходит в XVI–конце XIX вв.: (1) ГРЕХ осмысливается как нерелигиозный опыт, о чем свидетельствуют непрототипические значения и нетипичные коллокации лексемы *sin* (n.): *the social sins for which London has to confess her guilt* /A. Trollope/, (2) претерпевает изменения характеристика всеобщности ГРЕХА: при сохранении гендерного аспекта ГРЕХА (*you count what is a shame in a woman to be an infamy in a man* /O. Wilde/), в его светском опыте обозначаются определенные классовые (*Through tatter'd clothes small vices do appear; / Robes and furr'd gowns hide all* /W. Shakespeare/) и расовые (*White folks is sinners too <...> but niggers is the biggest ones* /H. Beecher Stowe/) моменты. Периодом максимального варьирования концептуальных признаков ГРЕХА является XIX в., сконцентрировавший в себе наибольшее число его вариантных, часто противоречивых характеристик: XIX в. создал «особую культуру, моральные ценности которой характеризуются неоднозначно и порой диаметрально противоположно, причем двойственная оценка заложена в самой эпохе, где превалируют эти моральные ценности» [Шевченко 2010].

В конце XX–XXI вв. утрата многих религиозных ценностей сопровождается общим моральным кризис. Диалектика западного процесса секуляризации открыта: постсекулярное общество продолжает в отношении религии заниматься той же «расколдовывающей» [Вебер 1990] работой, какую религия в свое время проделала в отношении мифа: «судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы» [там же]. ГРЕХ, ранее традиционно мыслимый в черном цвете, теперь теряется на фоне черноты общего нравственного упадка: *<...> and to be damned is to be in a state when sin scarcely matters, like ink upon a blackamoor* /H.G. Wells/.

Образное воплощение понятийно-ценностной составляющей ГРЕХА основано на механизмах метафорического сравнения и метонимического переноса: метафоры и метонимии ГРЕХА используют библейскую систему образов и христианскую религиозную символику – структурно взаимосвязанную совокупность религиозных символов ГРЕХА. Когнитивные

механизмы метафорического сравнения и метонимического переноса служат реализации оценочных смыслов в языке. Тем самым историческое развитие образной составляющей ГРЕХА соотносится (опосредованно) с трансформациями в его понятийно-ценностном компоненте и определяет среди метафор и метонимий ГРЕХА диахронические константы, реализующие его библейскую (негативную) оценку, и диахронические переменные, фиксирующие изменения в этой оценке вплоть до полярной (позитивной) как результат все возрастающей секуляризации англоговорящего общества.

Метафорическая концептуализация ГРЕХА осуществляется посредством целого ряда концептов-коррелятов, образующих диапазон исторически постоянных когнитивных метафор ГРЕХА (например, метафоры ГРЕХ *есть* ВНИЗУ: *underworld of sin* /BNC/, ГРЕХ *есть* БРЕМЯ: *on him rested the weight of all her sin* /H. Rider Haggard/ и др.). Дискуссии последних лет поставили под сомнение объяснительный потенциал разделения метафор на структурные, ориентационные и пр. и заставили обратиться к лексической семантике в поисках критериев классификации. В соответствии с фрагментами целостного представления человека о мире корреляты метафор ГРЕХА, по нашим данным, могут быть упорядочены в виде четырех понятийных групп: «Физический объект», «Человек», «Животное» и «Растение» с дальнейшим выделением понятийных подгрупп по родо-видовым отношениям.

К метонимической номинации концепта ГРЕХ в дискурсе XIV–XXI вв. привлекаются взаимосвязанные репрезентанты ГРЕХА в метонимиях ДЬЯВОЛ *вместо* ГРЕХА: *Devil in that picture of sinner's death* /J. Joyce/, ЛЕС *вместо* ГРЕХА: *the Forest of Sin* /BNC/, КРАСНЫЙ / ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ *вместо* ГРЕХА: *red was an evil colour* /BNC/, *her soul must be black as sin* /E.R. Burroughs/ и др., которые на основании их принадлежности сфере религиозного опыта ГРЕХА, объективированного в его христианской символике, объединены в четыре понятийные группы репрезентантов, с которыми ассоциируется ГРЕХ: «Зло», «Женщина», «Признаки ГРЕХА», «Колоративный культурный код ГРЕХА».

Устойчивость отрицательной оценки ГРЕХА в англоязычной культуре обуславливает диахроническое постоянство его метафор и метонимий, реализующих эту оценку. Так, диахронически постоянными метафорами ГРЕХА являются т.н. теологические метафоры, используемые в Библии для объяснения духовных понятий высокой степени сложности и абстракции [Макормак 1990: 384], тогда как диахроническое постоянство метонимий ГРЕХА объясняется тем, что в их основе лежит христианская религиозная символика ГРЕХА с ее способностью «выражать <...> определенные структуры высшей реальности, которые невозможно выразить другими средствами» [Элиаде 1998].

В соответствии с исторической динамикой ценностного компонента ГРЕХА историческое развитие вторичных средств его номинации происходит в нескольких направлениях. С одной стороны, развитие метафорических средств концептуализации ГРЕХА отражает процесс длительной разработки последнего в британской и американской лингвокультурах с сохранением его библейской оценки (например, диахронически переменная метафора ГРЕХ *есть* ВЕЛЬМОЖА: *The Livery of Sin* /W. Thackeray/). С другой стороны, развитие

образной составляющей ГРЕХА обусловлено секуляризацией англоязычного общества и отражает процесс переосмысления и переоценки ГРЕХА, который затрагивает исторически постоянные библейские метафоры и метонимии ГРЕХА и приводит к появлению метафор и метонимий ГРЕХА небиблейского происхождения с его нейтральной и положительной оценкой (в частности, метафоры ГРЕХ *есть* ВВЕРХУ: *To dizzy heights of sin* /BNC/ и метонимий СВЕТ / БЕЛЫЙ ЦВЕТ *вместо* ГРЕХА: *the fairest sin* /J. Joyce/, *white sin* /COCA/).

Сказанное позволяет заключить, что изменение культуры и ментальности вызывает трансформации не столько в понятийной, сколько в ценностной и образной составляющих лингвокультурного, в частности, этического концепта. Обозначенные тенденции диахронического варьирования прослеживаются и в других оязыковленных концептах культуры, таких как БОГ, СКРОМНОСТЬ и пр. В частности, с одной стороны, содержание и структура концепта БОГ, вербализованного лексическими средствами английского языка, исторически существенно варьируется в светском дискурсе XIV–XX вв.: по данным А.В. Полиной, по степени диахронического варьирования свойства концепта БОГ в светском дискурсе эпох Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего времени образуют области стабильности, колебаний и нестабильности. В целом концепт БОГ в светском дискурсе в совокупности прототипических и непрототипических свойств по сравнению с библейскими свойствами проявляет наибольшее варьирование в XVIII и XX вв., а наименьшее – в XIV–XV и XVI–XVII вв., что соответствует культурно-исторической динамике общества [Полина 2004]. С другой стороны, существенные ценностные и образные трансформации в этических принципах англоязычной культуры и морали в диахронии приводят к формированию в англоязычной картине мира двух взаимосвязанных концептов СКРОМНОСТЬ и ХАНЖЕСТВО с противоположными оценочными компонентами [Шевченко 2010].

Сказанное позволяет сделать вывод, что концепты этики – социокультурные регулятивы – характеризуются неразрывностью понятийно-ценностного и образно-ценностного аспектов. Диахроническое варьирование концептов этики, трансформируя их структуру, в разной степени затрагивает их понятийно-ценностный и образно-ценностный аспекты, среди которых выделяются диахронические константы и переменные. Источник исторического варьирования концептов этики мы усматриваем, главным образом, в социокультурных, а не языковых изменениях. Изучение закономерностей социодинамического представления концептов этики перспективно продолжить на материале английского и других языков.

Список литературы

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.
2. Верещагин Е.М. Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка. Языки этики; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 235–245.

3. Гуревич А.Я. Избранные труды. – Т. 2. – Средневековый мир. – М., СПб.: Универ. книга, 1999. – 560 с.
4. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка; [сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев]. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ, 2009. – С. 29–34.
5. Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 116 с.
6. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
7. Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 2007. – 368 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Макормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
10. Перов Ю.В., Перов В.Ю. Философия ценностей и ценностная этика. Вступ. статья // Гартман Н. Этика. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – С. 5–83.
11. Полина А.В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV–XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Харьков, 2004. – 205 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.
13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
15. Шевченко И.С. Дискурсообразующие концепты викторианства: СКРОМНОСТЬ vs. ХАНЖЕСТВО // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – №2. – С.73–84. – Режим доступа: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse>
16. Элиаде М. Мефистофель и андрогин, или мистерия целостности. – СПб.: Алетейя, 1998. – 374 с.
17. Этика: Энциклопедический словарь / [под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова]. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
18. Leach E. Social Anthropology. – USA: Oxford University Press, 1983. – 254 p.